

LXXVII.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ. Декабрь 1841.)

Грусть и скука намъ безъ васъ въ Римѣ. Мы привыкли въ часы досуга или слышать подкрѣпительныя для духа ваши сужденія, или просто забавляться вашимъ остроуміемъ и весельемъ. Теперь ничего этого нѣтъ: вечернія сходки въ натурномъ классѣ, состоящемъ изъ Моллера, Гюрдана, Шаповалова и меня, не стоятъ и десятой доли бесѣды вашей. Неужели вы къ намъ въ Римъ и на слѣдующую зиму не прїѣдете? Вы бы могли намъ быть весьма полезны во всѣхъ случаяхъ.

Сегодня получилъ я письмо ваше, гдѣ вы просите розыскать 2,000 р.—Валентини ничего не знаетъ, и такимъ образомъ я рѣшился спросить у Кривцова: не получалъ ли онъ деньги отъ Погодина? на что Кривцовъ отвѣтилъ, что въ августѣ мѣсяцѣ получилъ письмо, гдѣ Погодинъ говоритъ какъ можно скорѣе доставить вамъ деньги, но васъ уже въ Римѣ не было, а Погодинъ не высылалъ обѣщанныхъ денегъ.

Кривцовъ сюда прїѣхалъ 26 октября. Художники всѣ къ нему представлялись, онъ чрезвычайно со всѣми ласковъ, говорилъ намъ, въ особенности обратясь ко мнѣ, что будетъ насъ навѣщать, видитъ въ этомъ способъ ускорить наши успѣхи. Я испугался—и, признаюсь, очень былъ огорченъ.

Здѣсь находится князь Григорій Петровичъ Волконскій, который хочетъ посѣтить наши студіи, да еще сюда ѣдетъ Григоровичъ. Мнѣ бы и самому хотѣлось попытаться, не значуть ли мнѣ за копію въ Ватиканѣ—сумму, равную Брюлло, т.-е., вмѣсто трехъ тысячъ рублей,—15 тыс. руб.; тогда бы я кончилъ и картину для Наслѣдника, и копію. Но это трудно безъ протекціи, которой я вовсе не имѣю, а Кривцовъ дѣйствовать, кажется, намѣренъ только по просьбѣ тѣхъ особъ, отъ которыхъ онъ самъ зависитъ.

Моллеръ благодаритъ васъ за письмоце; онъ ожидаетъ еще отъ васъ отвѣта на подтвержденіе выбраннаго имъ сюжета,

которымъ онъ теперь исключительно занимается. Феодоръ Ивановичъ ¹⁾ благодарить за незабытіе. Обуховы пріѣхали, мы пойдемъ къ нимъ на-дняхъ, опять затѣмъ проказы.

~~~~~

LXXVIII.

ВЪ КОМИТЕТЪ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНІЯ
ХУДОЖНИКОВЪ.

Отъ академика Александра Иванова покорнѣйшее отношеніе.

Римъ, 12 мая, 1842.

Пославъ, письмо въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго 1841 года, почт. Общ., и не получивъ до сихъ поръ никакого отвѣта, я полагаю его потеряннымъ на почтѣ, почему и рѣшился повторить все, что въ немъ было сказано.

Государь Наслѣдникъ, путешествуя въ Римъ, пожелалъ ошастливить, между прочимъ, русскихъ художниковъ заказами. Въ то время, едва начатая картина моя не имѣла ни назначенія, ни способовъ къ своему производству, ибо, получивъ отказъ отъ почт. Общ. на дальнѣйшее мое содержаніе, и не имѣя платы ни за которыя изъ моихъ произведеній, столь много, впрочемъ, одобряемыхъ и даже славимыхъ, я рѣшился отдать картину его высочеству, за трехлѣтнее содержаніе.

Некому было ни понять такого крайняго положенія художника, ни предвидѣть невозможности окончанія картины за столь скудную цѣну, а мнѣ самому невозможно было говорить за себя, замѣтивъ негодованіе многихъ на значительныя предпріятія отечественныхъ художниковъ, и не имѣя совсѣмъ покровительства.

Доживъ до истеченія третьяго года, что было въ январѣ настоящаго 1842 года, я успѣлъ только порѣшить все и сдѣлать картину доступною для каждаго, но отнюдь не кончить, и предварительно извѣстилъ почт. Общ. о приближающемся

¹⁾ Иорданъ.

моемъ паденіи; просиль и прошу теперь покорнѣйше объяснить его высочеству, что обѣщаніе мое кончить картину въ три года не есть обманъ, что въ такомъ огромномъ произведеніи, и въ первый разъ, трудно опредѣлить время, работая совѣстливо, и наконецъ просить всепокорно продлить содержаніе мое здѣсь еще на три года, и тогда уже навѣрное будетъ совершенно «Явленіе въ міръ Мессіи».

Если единственные мои покровители найдутъ затрудненіе на испросъ таковой милости его высочества, то я осмѣлился-бы предложить имъ самимъ сдѣлать мнѣ послѣднее и важнѣйшее вспомошествованіе: снабдить меня заимообразно трехлѣтнимъ содержаніемъ, или даже купить у меня всѣ этюды, копіи, эскизы, заготовленные къ исполненію картины, такъ, чтобъ, по окончаніи оной, если получу награду, могъ-бы я опять ихъ имѣть моею собственностью.

Если-же ни та, ни другая мѣра не могутъ быть приняты, то я просиль-бы покорнѣйше почтеннѣйшее Общество выслать мнѣ обѣщанныя ими деньги на обратный путь, ибо нѣтъ никакихъ средствъ мнѣ болѣе здѣсь оставаться. Десятый мѣсяцъ уже какъ извѣщаль я объ этомъ предварительно почтеннѣйшее Общество, и пятый какъ нахожусь безъ содержанія, почему просиль-бы покорнѣйше, сколь можно скорѣе, рѣшить бѣдственное мое положеніе, потому что всякое замедленіе можетъ усугубить несчастіе нажитіемъ долговъ.

~~~~~

LXXIX.

КЪ БРАТУ.

(Монтекатини. Лѣто 1842.)

Любезный братъ!

Ничего не могу сказать тебѣ отсюда: оставаться ли тебѣ у Маркова, или дома работать программу. Я думаю, ты теперь самъ видишь, что невозможно мнѣ тебѣ совѣтовать, находясь за пять тысячъ верстъ. Напрягай весь свой умъ,

будь осторожнѣе и осмотрительнѣе, и всегда готовый на встрѣчу горькихъ неприятностей, а остальное предоставь Богу. Вотъ все, что могу тебѣ сказать. Знакомство съ Моллеромъ пріятно, но я очень боюсь, чтобы ты имъ не развлекся отъ твоей программы. Сдѣлай милость, будь экономъ во времени. Эшпингера я не видалъ, потому что самъ живу внѣ Рима. Если хочешь, то пиши къ нему,—я ему отдамъ письмо. А если крайней нужды нѣтъ, то погоди. Пименовъ отдѣлываетъ изъ мрамора своего «Мальчика, просящаго милостыню». Вещь удивительная по исполненію и выраженію. Онъ его можетъ быть пришлетъ къ выставкѣ. Жаль, что этотъ талантъ необразованъ, а то бы онъ могъ стать наравнѣ съ самыми лучшими скульпторами нашего времени. Онъ пріѣдетъ, я думаю, вмѣстѣ съ Завьяловымъ, Шамшинымъ, Монигетти и Кудиновымъ—черезъ полтора года.

LXXX.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

(Монтскатини. Іюль 1842.)

Вслѣдствіе настойчиваго совѣта Николая Васильевича Гоголя, я рѣшился еще разъ просить васъ о посредничествѣ въ дѣлѣ моемъ. Вы знаете, что окончаніе картины моей «Явленіе Мессіи» иначе не можетъ быть выполнено, какъ съ новою милостью Государя Наслѣдника. На сей конецъ подана уже просьба, посредствомъ вашего ходатайства, еще прошедшею осенью, но, не получая никакого на то отвѣта, я принужденнымъ нашелся еще васъ беспокоить: просить новаго вашего здѣсь покровительства и совѣта. Не откажите, въ возможно непродолжительное время, меня увѣдомить въ Римъ, какъ мнѣ поступить въ семъ трудномъ положеніи. Я едва имѣю средства содержаться здѣсь до начала будущаго года.

Положеніе Станиславиича безнадежно. Я было хотѣлъ отправить (его) въ Грейфенбергъ, но больной съ трудомъ двигается, и никакъ этого самъ не хочетъ. Онъ глубоко тронуть былъ

вашимъ подтвержденіемъ о выдачѣ ему еще денегъ. По вашему желанію, посылаю къ вамъ его работы: «Поэзію», «Теологію» и «Три добродѣтели», которыя вы и получите въ Дюссельдорфѣ.

~~~~~  
LXXXI.

КЪ ГОГОЛЮ.

(*Монтекатини. Іюнь 1842.*)

Вы не повѣрите, какъ я обрадовался, получивъ ваше письмо отъ 16 мая—29 іюня. Я было началъ мои занятія, и именно, копіей частей съ «Мадонны di Foligno», чтобы приступить къ окончанію головъ въ моей картинѣ. Но глаза опять заболѣли. Это несчастное положеніе согласило меня познакомиться съ нѣкоторыми русскими, пріѣхавшими сюда въ Римъ: съ профессоромъ московскаго университета Крюковымъ, съ графомъ Комаровскимъ, съ Васильчиковой, съ Галаганомъ, коего мать, видя мое положеніе, упросила меня ѣхать съ ней въ Неаполь, къ Циммерману на совѣтъ. Циммерманъ опредѣлилъ мнѣ ѣхать во Флоренцію, для водъ, куда я и пріѣхалъ, вмѣстѣ съ Галаганами, и нахожусь теперь въ Монтекатини. На водахъ мнѣ точно лучше. Я, однакожь, оставляю Тоскану черезъ двѣ недѣли: я ѣду въ Римъ для питья декохта. Въ эти двадцать дней питья декохта мнѣ запрещены самыя малѣйшія занятія, и докторъ надѣется, что, по очищеніи мокроты, я совершенно долженъ выздоровѣть и глазами.

Письмо къ В. А. Жуковскому я послалъ вчера; я вѣдь никакъ не предполагалъ, что могу къ нему еще писать. Извините. Чтò касается до копіи съ Ватиканскаго фреска, то я тутъ имѣлъ цѣлю получить впередъ деньги и продолжать на оныя мою картину, а по окончаніи ея занялся бы копіей. Самое важное и радостное для меня то, что вы будете опять въ Римѣ. Дай Богъ, чтобы это случилось. Моллеръ будетъ осенью въ Италиі, но въ Римъ до тѣхъ поръ не пріѣдетъ, пока его дѣла тамъ я не устрою. Я съ нимъ въ безпрестанной перепискѣ. Теперь все это зависитъ отъ Кривцова. Зна-

комства вышеупомятыя доставили мнѣ случай помочь Шаповалову. Я собралъ для него 1050 фр., что, вмѣстѣ съ присланными отъ Общества червонцами, составляетъ 2500 фр.; на это обязалъ его не только кончить копію въ Ватиканѣ, сколь можно лучше, но и доставить въ Общество что-либо и своего сочиненія. Всѣ эти господа разѣхались, а я у нихъ остался за него въ отвѣтственности. Но что дѣлать?—иначе нельзя было.

Надѣюсь, что вы на меня не будете долго сердиться за слабость моего духа. Мало зная людей, будучи совершенно одинъ, и при томъ обремененъ глазной болѣзью, мнѣ не легко превозмогать себя, едва имѣя матеріальные способы. Еслибы вы могли не жить на *via Felice*, то это было (бы) лучше, потому что въ томъ краю случилися всѣ происшествія съ Моллеромъ, въ которыхъ я не мало потерпѣлъ неприятностей, и не желалъ бы встрѣчать ненавистныхъ мнѣ людей.

По приѣздѣ въ Римъ, не замедлите отыскать (меня): моя студія все тамъ же, а квартиру имѣю вмѣстѣ съ Шаповаловымъ—*Piazza S-ti Apostoli, palazzo Scacciapiatti № 42, al terzo piano*. Это тамъ, гдѣ жилъ первые дни Жуковскій, когда приѣхалъ съ Наслѣдникомъ въ Римъ. Если приѣдете одни въ Римъ, то милости просимъ прямо туда.

~~~~~  
LXXXII.

КЪ ЧИЖОВУ.

(*Римъ. Августъ 1842.*)

Только что началъ заниматься, на что получилъ позволеніе, и сейчасъ же пишу къ вамъ, прося притомъ, чтобы вы сообщили что-нибудь, изъ письма моего, Галагану, котораго адресъ, я полагаю, уже перемѣнился въ продолженіи столь долгаго времени.

Еще изъ Монтекатини я къ вамъ писалъ, прося приложенное письмо передать Жуковскому, отъ котораго получилъ на прошедшей недѣли письмо, гдѣ онъ меня извѣщаетъ, что

Наслѣдникъ давно уже соблаговолилъ выдать мнѣ помощь. Иду къ Кривцову и нахожу бумагу, за четыре мѣсяца написанную изъ Петербурга, гдѣ говорится, что его высочество мнѣ жалуешь 1500 руб. ассигнаціями, единовременно, на окончаніе моего труда. Пораженный такимъ несчастнымъ направленіемъ моихъ дѣлъ, я, съ убитою душой, ожидалъ съ нетерпѣніемъ письма изъ Петербурга, отъ Общества поощренія художниковъ, которое въ своемъ засѣданіи рѣшилось за меня ходатайствовать у Наслѣдника. Если и тутъ ничего не выйдетъ, то, вмѣсто вояжа въ Сицилію, нужно будетъ повернуть навсегда въ Петербургъ, оставя все. Читая это все, я увѣренъ, что вы вмѣстѣ со мной погрузите.

Глаза мои немного лучше, но я боюсь ихъ утрудить вдругъ, а хотѣлось бы поработать только эти послѣдніе шесть мѣсяцевъ. Если вы будете видѣться съ Жуковскимъ, то потрудитесь поговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ, да еще узнайте отъ него, гдѣ Гоголь, и перешлите приложенное здѣсь къ нему письмо, написавъ то мѣсто, гдѣ онъ теперь находится. Монигетти и Бенуа внѣ Рима, и давно.

~~~~~  
LXXXIII.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ. Августъ 1842.)

Какое плачевное направленіе взяли дѣла мои! Вмѣсто трехъ-лѣтней пенсіи по три тысячи, мнѣ, отъ имени Наслѣдника, назначено только 1500 р. ассиг.—единовременно, да и тѣ не безъ хлопотъ достанутся въ мои руки. Общество мнѣ обѣщалось отвѣчать на мои бумаги; я жду съ нетерпѣніемъ, но не думаю, чтобы и тутъ мнѣ посчастливилось. Глаза мои все еще слабы, я дожидаюсь отъ Циммермана отвѣта на ихъ положеніе. Еслибы я хотя бы могъ работать! Жду съ нетерпѣніемъ вашего приѣзда въ Римъ: можетъ быть, вы убѣдите Кривцова—заплатить мнѣ за копію въ Ватиканѣ самымъ щедрымъ образомъ, и деньги впередъ выдать. Если въ са-

момъ дѣлѣ вы сюда пріѣдете, то мнѣ пособи́те обдѣлать также и дѣла Моллера. Я уже ему писалъ, чтобы онъ ждалъ извѣстія объ устройствѣ его дѣлѣ, въ сѣверной Италіи.

Мое почтеніе Екатеринѣ Васильевнѣ, и графу Комаровскому и супругѣ его.

LXXXIV.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

(Римъ. Августъ 1842.)

Сердечно благодарю васъ за ваше обо мнѣ попеченіе. Вы все сдѣлали, что были въ состояніи. Крайне сожалѣю, что на мою бѣду у Государя Наслѣдника не случился на лицо человѣкъ, способный понять мою просьбу. Съ полуторою тысячей рублей, о выдачѣ конхъ еще нужно и хлопотать, я никакъ не могу подвинуть моего дѣла, требующаго по самой крайней мѣрѣ трехъ-лѣтней пенсіи пенсіонера. Теперь вся надежда на Общество поощренія художниковъ: они взялись представить обо мнѣ Наслѣднику, чрезъ его высочество принца Лейхтенбергскаго. Если и тутъ будетъ неудача, то тогда уже необходимо будетъ извѣдать конечную неприя́тность: на роковыя полторы тысячи собраться въ Петербургъ, съ бѣдностью, и затеряться тамъ въ безпонятіи о художникѣ.

Не думайте, чтобы я сколько-нибудь раскаявался, что началъ и довелъ за половину дѣла огромный трудъ мой. Напротивъ, я этимъ только и буду утѣшаться всю остальную жизнь. Имѣя впереди двухъ пришлецовъ, занявшихъ быстройтою эскизнаго исполненія все вниманіе русскихъ, плодомъ коего я предвижу гибель для школы отечественной, я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло.

Я взялъ, какъ результатъ изъ исторіи евреевъ для живописи,—ту минуту, когда Предтеча, приготовивъ народъ къ принятію ученія Христова, показываетъ наконецъ Того, о Комъ предвѣщали Моисей и пророки.

Выборъ такого важнаго предмета невольно вызвалъ меня на большой размѣръ картины, а медленное исполненіе оной



есть чистосердечное желаніе отдѣлкой достигнуть до сравненія съ выборомъ предмета. Гдѣ способнѣе его произвести, какъ не въ Италіи пятнадцатаго столѣтія?

Живое участіе, какое вы принимали въ моемъ положеніи, заставляетъ меня желать, дабы вы яснѣе увидали ходъ моихъ дѣлъ.

LXXXV.

КЪ ЧИЖОВУ.

(Римъ. Сентябрь 1842.)

Натурально, что это все не деликатно, не отработано, — такъ, какъ и самъ я, но что же дѣлать? я иначе не умѣю. Я васъ уже предварялъ, что въ письмахъ я грубъ, а это поправить выше силъ моихъ. Теперь позвольте разобрать письмо ваше. Вы говорите, что Жуковскій говоритъ вамъ такія истины, противъ которыхъ нельзя ничего сказать, напр.: «Да куда онъ пишетъ такія картины, вѣдь и поставитъ некуда?» Со времени Брюлло, историческіе живописцы приняли за необходимость уже являться изъ Рима въ отечество съ чѣмъ-нибудь значительнымъ, отъ экзаменованнымъ въ чужихъ краяхъ: съ этимъ только аттестатомъ можно у насъ найтись и поставить себя на ноги. Да кромѣ того, и въ Европѣ, посредствомъ такихъ картинъ, мы приобретаемъ къ себѣ вѣру. Конченна большая картина русскаго художника, приобретающая европейское вниманіе, не можетъ быть, чтобы не нашла мѣста въ нашемъ отечествѣ. Я знаю, что для коммерціи лучше бы было писать маленькія вещицы, но какъ не стыдно говорить это Василию Андреевичу! При его умѣ и образованіи, я думаю, онъ войдетъ гораздо глубже въ мое положеніе, и тогда бы онъ увидѣлъ, что я только-что несчастливъ, но совершенно правъ, видя пришлецовъ и иностранцевъ, завладѣвающихъ всѣмъ вниманіемъ моего отечества, зная, какія громадныя суммы издерживаются правительствомъ на покупку самыхъ посредственныхъ картинъ. Могу ли я, будучи русскимъ, смотрѣть на все это хладнокровно? Не долженъ ли я пожерт-

вовать совершенно всё́мъ—для такого предпріятія, которое бы со временемъ поставило меня на художническую кафедру, съ которой бы я могъ умалить злоупотребленія?

Извините, что безпокою моими дѣлами, но только-что получу какую отраду изъ Петербурга, то, извѣстивъ васъ въ Дюссельдорфъ, тогда васъ бы оставилъ въ покоѣ.

Къ Бенуа были три письма въ кафе-Греко, и всё, кажется, вашей руки. Наши русскіе не способны ни къ какимъ аккуратнымъ порученіямъ, и потому письма предолго лежали. Наконецъ я нашель Ставассера, которому Бенуа всё распоряженія поручилъ, и письма посланы въ Венецію, къ Бенуа.

Я бы желалъ, чтобы вы приобрѣли лучшія композиціи дюссельдорфской школы въ эстампахъ.

Хорошо бы захватить вамъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ, познакомиться съ Фейтомъ, да еще поразвѣдать, что́ это за кафедра, съ которой читають объ искусствѣ публикѣ обоого пола? Куда бы хорошо, еслибы у насъ въ столицахъ можно было услышать что-либо подобное!

На имя Бахтина я ничего не нашель на почтѣ. Прощу это письмецо отправить Галагану, ибо, судя по послѣднему письму, адресъ его не рѣшенъ.

LXXXVI.

КЪ ГАЛАГАНУ (?).

(Римъ. Сентябрь 1842.)

Получилъ я письмо ваше отъ 23 іюля. Удивляюсь, какъ оно долго было въ дорогѣ: вѣдь это почти два мѣсяца! Сейчасъ получилъ я изъ посольства ваши деньги—182 скуди, изъ коихъ Довицелли отдалъ за Гайвазовскаго, по просьбѣ Бенуа, — 100 скудъ, а 82 взялъ на распоряженія, вамъ извѣстныя. Шاپоваловъ получилъ отъ Общества, за свою копію «Св. Севастьянъ»,—160 скудъ. Его состояніе теперь въ соразмѣрности лучше моего. Я получилъ отъ Общества тоже бумагу, и вотъ она, разберите ее: тутъ какъ будто два человѣка—одинъ благонамѣренный, а другой мерзавецъ. Если бы письмо было

все въ духѣ сего послѣдняго, то я бы послалъ имъ чертежъ съ предложеніемъ написать для нихъ картину,—тотъ моментъ, когда распятый Христосъ, на испросъ утолить жажду, получаетъ въ свои уста губку, наполненную горчицей. Я страдаю глазами уже цѣлый годъ, не знаю, когда это кончится. Но если Богу будетъ угодно высвободить меня изъ этого положенія, то уже, разумѣется, я всѣ силы употреблю, чтобы скорѣе кончить мою большую картину, оттолкнувъ въ сторону все, къ ней (не) относящееся, а они хотятъ любовь къ ней разорвать другою, и называютъ это убійство отдыхомъ и легкимъ упражненіемъ моей кисти! Да какое это легкое упражненіе? — у меня его совсѣмъ нѣтъ. Я не Вернетъ и не Подести: всякій трудъ мой ровень, съ разницею, что для малаго размѣра картины меньше нужно времени, на ея исполненіе. Да потомъ еще повторяютъ мнѣ самое обидное, что хотятъ помочь мнѣ, не отнимая отъ другихъ художниковъ своего покровительства. Возможное ли это дѣло, чтобы когда-нибудь я позволилъ себѣ подумать строить на несчастіи другихъ мое благополучіе?



## LXXXVII.

## КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Декабрь 1842.)

Ожидая ваше письмо каждый почтовый день, я уже приготовился къ самой убійственной новости, крѣпился, молился, разсѣвался, укоряя мысленно брата, бранилъ внутренно Моллера; но теперь, слава Богу, вижу, что година испытаній уже проходить: вы почти выздоровѣли, и я тоже, — хотя все еще чувствую глаза не совершенно выздоровѣвшими, все еще они гноятся, особливо при печномъ теплѣ, которое необходимо для натурщиковъ. Жалѣю весьма, что не попекся объ васъ Моллеръ, не замѣстилъ моего мѣста во время вашей болѣзни. Не могу вспомнить, что могъ бы лишиться васъ! Это было бы для меня совершеннымъ уничтоженіемъ

и меня, и моихъ успѣховъ. Что толку, если я кончу картину, и, пріѣхавъ съ нею, не встрѣтилъ бы васъ?—тогда не было бы мнѣ никакой ни награды, ни радости. Бога ради, берегите вы себя.

Въ силу представленія Жуковскаго обо мнѣ Наслѣднику, мнѣ выдана сумма 1500 руб. единовременно, а вслѣдствіе старанія Кривцова—выдано 2800 руб.

Герцогъ Лейхтенбергскій и Марія Николаевна въ Римѣ, я ихъ ожидаю ко мнѣ на дняхъ въ мастерскую. Великая княгиня предварена обо мнѣ. Посмотримъ, что будетъ.

Мнѣ болѣе всего хочется картину мою скорѣе окончить, но эти трудности! Сего труда ни одинъ человѣкъ, кромѣ меня, кончить не можетъ. Для людей малосвѣдущихъ она, пожалуй, и теперь почти кончена, но, по-моему, я нахожусь въ половинѣ дѣла,—теперь работа начинается незамѣтная, т.-е. отдѣлка.

Статья о русскихъ художникахъ, напечатанная въ академич. вѣдомостяхъ <sup>1)</sup>, написана Чижевымъ, профессоромъ петерб. университета. Онъ теперь здѣсь, въ Римѣ, постарался со мною сблизиться, и мы теперь съ нимъ, какъ друзья. Однакожъ, наша пріязнь началась по напечатаніи его статьи, о которой я совсѣмъ не зналъ, и потому не думайте, чтобы тутъ закрадывалась съ моей стороны какая охота къ печатнымъ похваламъ: я право не Гайвазовскій.

Болѣе всего меня утѣшаетъ братъ мой: онъ теперь истинно отличенъ.

Матушкѣ мое почтеніе.

Любезный братъ! Поздравляю тебя съ отличіемъ, я узналъ объ этомъ отъ Эппингера изъ Венеціи, который кланяется и тебѣ, и батюшкѣ нашему. Признаться сказать, я неоднократно на тебя сердился, что ты такъ долго ничего не писалъ ко мнѣ: вѣдь ты можешь писать ко мнѣ отдѣльно отъ батюшки, особливо когда онъ по какимъ либо причинамъ не можетъ.

Что Марковъ сдѣланъ профессоромъ, тому я очень радъ. Тебя удивить, если я скажу, что то способствуетъ къ ис-

<sup>1)</sup> С.-Петербургскія Вѣдомости 1842 г., №№ 224 --228.

полненію моихъ предпріятій,—сейчасъ тебѣ докажу. Ища помощи отъ двора для окончанія моей картины,—единственнаго желанія въ жизни, я весьма робѣлъ, чтобы не пришла мысль Волконскому <sup>1)</sup>—вызвать меня на занятіе профессорскаго мѣста въ Академіи. Тогда бы весь я погибъ навсегда, а теперь Марковъ мой громоотводъ. Моя цѣль—быть художникомъ, что-нибудь значущимъ въ чужихъ краяхъ.

Вчера была у меня въ мастерской вел. кн. Марія Николаевна. Необыкновенная благосклонность меня ввела въ смятеніе: до 36 лѣтъ запираясь въ четырехъ стѣнахъ мастерской, я совсѣмъ не знаю свѣтскости, и потому крайне неловокъ въ подобныхъ случаяхъ. Но это ничего: есть люди, которые мнѣ пособятъ.



## LXXXVIII.

## КЪ О Т Ц У.

(Римъ. Январь 1843.)

Батюшка! Феодору Антоновичу <sup>2)</sup> весьма много обязанъ я: онъ сдѣлалъ то, что никто не въ состояніи былъ сдѣлать—дать способы окончить мнѣ начатую картину. Теперь я могу сказать, что денегъ достанетъ у меня окончить трудъ мой, для коего, однакожь, нужны три года. Слѣдовательно, на концѣ третьяго я еще могу увидѣть здѣсь брата, устроить его тутъ, и пріѣхать къ вамъ, на смѣну. Теперь нужно-бы отклонить отъ меня заказы для московскаго храма Спасителя, потому что ни времени, ни охоты у меня нѣтъ брать на себя это,—это и безъ меня могутъ сдѣлать. Объ этомъ похлопотать я прошу покуда Моллера. Если уже никакъ нельзя отстранить отъ меня этой скучной заказной работы, то приму какъ величайшую непріятность, мѣшающую многимъ важнымъ моимъ планамъ.

Прошу отдать приложенное здѣсь письмо К. А. Тону.

<sup>1)</sup> Кн. П. М. Волконскій, министръ двора.

<sup>2)</sup> Моллеру.

Радъ очень, что братъ въ помощникахъ у него. Весьма нужно архитектору повѣрить свое академическое ученіе практикой, заучить матеріалы отечественные, для будущихъ соображеній. Еслибъ онъ еще въ это время могъ сдѣлать на первую золотую медаль программу, то эта выгода времени доставила-бы ему способъ застать меня еще въ Римѣ, а это, по моему мнѣнію, весьма нужно. Я согласенъ съ вами, что ему не столько нужно быть за-границей, какъ живописцу, потому что живописецъ тутъ себя совѣмъ оканчиваетъ, а архитекторъ только готовится. Но все-таки шесть лѣтъ необходимы ему: вѣдь нужно извѣздить всю Европу и часть Азіи, нужно сберегать копейку, ибо трехъ тысячъ въ годъ, можетъ быть, будетъ мало. Въ Лондонѣ, чтобы все видѣть, нужно тысячу руб. въ мѣсяцъ,—впрочемъ, болѣе сего времени никто изъ пріѣзжихъ и не остается тамъ. Наука и искусство вѣчно живутъ и, слѣдовательно, движутся, а особливо въ новомъ народѣ, каковъ русскій, гдѣ еще, можно сказать, только что начинаются, и, слѣдовательно, брату моему, какъ истинно русскому, предстоитъ здѣсь бездна занятій, на поприщѣ соревнованія съ европейскими представителями по его части. Дай Богъ, чтобы онъ успѣлъ болѣе меня: мнѣ было слишкомъ много препятствій, — ему, мнѣ кажется, будетъ легче.

Въ Римѣ архитекторы начитываются, мѣряютъ лучшія (произведенія) древности, привыкаютъ къ чистотѣ вкуса, посредствомъ реставраціи зданій лучшаго времени. Другія мѣста Италіи представляютъ имъ красоты средняго вѣка. Къ удобствамъ частныхъ домовъ нужна Англія, а къ познанію корней, откуда родился русскій стиль церковный, нужно изучить четырнадцатое и пятнадцатое столѣтіе, столь живо еще живущее въ Италіи,—нужно потомъ заглянуть въ Грецію и Сирію.

Вы не думайте, чтобы это было трудно: пути теперь дѣлаются весьма удобными, чугуныя дороги года черезъ два застелятъ всю Европу, а Сирія, по послѣднему трактату англичанъ, сдѣлалась болѣе доступной, чѣмъ когда-нибудь. Главное изученіе состоитъ въ изученіи языковъ: нѣмецкаго, англійскаго и итальянскаго.

Картина моя—въ ширину десять съ половиною аршинъ, а въ вышину семь съ половиною. Я просилъ Моллера, чтобы

пояснилъ мнѣ весь процессъ дѣла о пенсіи и платѣ за картину, чтобы знать, кого еще благодарить: можетъ быть, Григоровичу и Рѣзвому нужно будетъ написать письма.

Любезный братъ! Ты скоро кончилъ мою картину. Ты никакъ не можешь представить, что она выше всѣхъ заказныхъ работъ, и что только совершеннымъ окончаніемъ всего я могу достигнуть результата. Денегъ мнѣ болѣе не надо: у меня слава Богу достанетъ на ея окончаніе. Лишь бы только не хворать, то все будетъ хорошо.

Только-что хотѣлъ посылать вамъ это письмо, какъ вдругъ получилъ отъ Федора Антоновича ужасную новость о смерти матушки, сообщенную мнѣ моимъ самымъ короткимъ знакомымъ, Н. В. Гоголемъ. Не могу вспомнить безъ глубокой горести такую потерю, но болѣе всего меня тревожитъ положеніе батюшки: оно должно быть невыносимо, тѣмъ болѣе, что онъ только-что оправился отъ своей болѣзни. Бога ради, пишите ко мнѣ чаще, чтобы я могъ вѣрнѣе знать ваше положеніе. Чрезвычайно какъ я грущу по васъ!

Братъ, прошу тебя, говори мнѣ правду о положеніи батюшки. Я себя въ состояніи перемѣнить: лѣта мои и занятія мнѣ помогутъ; но когда мыслю о батюшкѣ, то совершенно теряюсь.

~~~~~  
LXXXIX.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Февраль 1843.)

Батюшка! Сейчасъ я получилъ письмо ваше, отъ 20 января. Глубокая грусть, вселившаяся въ меня подробнымъ описаніемъ болѣзни и кончины моей матушки, приводитъ меня въ умиленное положеніе, наворачиваются слезы, и наконецъ теперь же рѣшаюсь вамъ писать на все это отвѣтъ.

Для меня одна награда существуетъ: кончивъ мою картину, встрѣтить васъ здоровымъ, живымъ. Молю Бога, чтобы онъ этого меня не лишилъ, а къ вамъ припадаю на колѣна, и прошу беречь ваше здоровье. Простите меня, если я когда-

либо васъ чѣмъ-нибудь обидѣлъ. Я болѣе къ вамъ привязанъ, чѣмъ вы можете себѣ вообразить. Успѣхи мои въ искусствѣ имѣютъ одну цѣль — со временемъ доставить вамъ радость еще на землѣ. Вы изъ этого видите, что я радъ торопиться съ моимъ огромнымъ дѣломъ, и опять прошу васъ беречь свое здоровье: я помню, какъ вы, бывало, его не берегли. Васъ нѣсколько разъ предостерегала отъ этого матушка-покойница (ей не довелось видѣть возвратъ мой!), а братъ мой, можетъ быть, для этого молодѣ. Если вамъ нужны деньги, то прошу васъ взять у Э. А. Моллера тысячу руб., — я ему здѣсь ее отдамъ. Какъ-то вы себя чувствуете, послѣ болѣзни и ужасной потери? Феодора Антоновича благодарю усердно за то, что онъ сдѣлался какъ-бы домашнимъ у васъ. Его деликатное и истинно доброе сердце меня увѣряетъ, что въ эту горестную минуту для васъ онъ много полезенъ, онъ многое облегчаетъ.

ХС.

КЪ БРАТУ.

(Римъ. Начало 1843.)

Любезный братъ!

Сдѣлай милость, не унывай. Даль бы Богъ справиться съ программой и пріѣхать къ намъ въ Римъ, то уже тутъ бы ты, въ часы отдыха, очень пріятно могъ проводить время, съ отличными молодыми нашими московскими профессорами и студентами.

Ну, да уже о Римѣ и Италіи и говорить нечего: ты уже такъ и полагай, что въ рай ѣдешь. Только старайся получить на это право. О батюшкѣ нужно подумать заблаговременно, и устроить его возможно-лучшимъ образомъ.

XCI.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ. Осень 1843.)

Вы справедливы, но, все мнѣ кажется, и я не неправъ. Я съ того дня только успокоился и почувствовалъ радостное облегченіе, когда Перовскій, возвратясь изъ Неаполя, весьма серьёзно сказалъ Кривцову: «Вѣдь Ивановъ никакъ не можетъ ѣхать по причинѣ разстроенныхъ глазъ», на что Кривцовъ весьма учтиво рассыпался и увѣрялъ его превосходительство, что онъ и самъ такъ думаетъ, а между тѣмъ прислалъ мнѣ сказать, что только 66 дней я еще могу оставаться въ Римѣ. Смирнова, занесенная бурей изъ Неаполя въ Римъ, тоже много способствовала къ моему успокоенію. Она еще изъ Неаполя писала въ Петербургъ, чтобы распространить гдѣ слѣдуетъ, что я страдаю глазами. Но все-таки питье декохта было слишкомъ сильно повреждено этимъ безвременнымъ призывомъ въ Петербургъ. На изнеможенные нервы декохтомъ и діэтой, дѣйствовало въ три раза болѣе это грустнѣйшее приглашеніе. Перовскій обѣщался дѣйствовать въ Петербургѣ за меня. Вотъ это можетъ быть не кстати, а впрочемъ, онъ человѣкъ умный. У В. А. Жуковскаго попросите за меня извиненія, хотя въ письмѣ къ нему я только просилъ совѣта, а не дѣйствія, и то потому, что не надѣялся, чтобы васъ застало письмо мое въ Гаштейнѣ, а срокъ тогда 66 дневный!

Сейчасъ пишу къ Тону и къ батюшкѣ моему, и когда получу отвѣтъ, то немедленно извѣщу васъ въ Дюссельдорфъ.

Что-то Моллеръ? съ вами ли онъ въ Дюссельдорфѣ? Амалія, вотъ уже недѣля, какъ не существуетъ. Священникъ передъ выносомъ ея тѣла сильно сказалъ горбатой (ея матери), другимъ бабамъ и своднямъ, при семъ находившимся, что это она причиною ея смерти, и что если она и этого не чувствуетъ, то онъ надѣется, что это послужитъ другимъ матерямъ разительнымъ примѣромъ, какъ продавать и торговать

своими дочерьми. Теперь, Николай Васильевичъ, надо положить конецъ этому глубоко-непріятному дѣлу, истощить весь умъ, чтобы сказать обо всемъ этомъ Моллеру, и если нѣтъ его съ вами, то написать ему, а я не знаю, гдѣ онъ теперь.

Моллеръ, мнѣ кажется, уже можетъ пріѣхать теперь прямо въ Римъ: вѣдь горбатую уже можно теперь легко унять, а Моллеру все-таки лучше теперь быть въ кругу людей, ему преданныхъ и готовыхъ раздѣлять съ нимъ горе.

Вотъ вамъ письмо, найденное на почтѣ. Гордана призываетъ Перовскій, спрашивая о портретѣ великой княгини ¹⁾, на чтѣ смятенный Ѳедоръ Ивановичъ отвѣчалъ, что онъ его самъ не дѣлалъ, по причинѣ дурнаго рисунка, который палъ бы на его голову, а потому онъ отдалъ награвировать его самому художнику, рисовавшему съ натуры великую княгиню, полагая, что онъ помнитъ натуру и въ состояніи что-нибудь тамъ поправить. Перовскій не сказалъ ни слова; Ѳ. И. написалъ обо всемъ этомъ Вильгорскому.

~~~~~

ХСII.

К Т О Т Ц У.

(Римъ. Октябрь 1843.)

Какъ вы меня долго мучили безотвѣтностью! Вамъ, конечно, непонятно мое мучительное положеніе въ такихъ случаяхъ.

Весьма радъ, что братъ получилъ 1-ю золотую медаль. Но скажите мнѣ обстоятельно: его право ѣхать въ чужіе края въ его волѣ, или это еще зависитъ отъ счастья?—это меня очень интригуетъ. Можетъ ли онъ, напримѣръ, тотчасъ по окончаніи церкви сюда пріѣхать? Вѣдь это должно быть въ половинѣ 1845 года. Весьма благодарю васъ за сужденіе о картинахъ, присланныхъ изъ Рима. Мнѣ кажется, однакожъ, вы не совсѣмъ справедливы въ отношеніи къ Завьялову. Вы обратили вниманіе только на нѣкоторыя части его картины: на сочиненіе и выборъ предмета, и нисколько не за-

¹⁾ Марія Николаевна.

хотѣли остановиться на хорошемъ рисункѣ и довольно возвышенномъ стилѣ.

Какъ бы я желалъ, чтобы Завьяловъ сдѣланъ былъ профессоромъ для поддержанія натурнаго класса! Картина Бруни «Покровъ», не знаю, почему вамъ понравилась. Какъ ни темна картина Завьялова по предмету, но Бруни—уже вовсе не понятна. Еслибъ не было извѣстно, что Бруни поручено написать «Покровъ», то, я думаю, никто бы и не угадалъ, что это за сюжетъ. Декораціонная его кисть гораздо менѣе имѣетъ достоинства, чѣмъ Завьялова полуокончателность, и, наконецъ, Завьяловъ настоящій русскій художникъ, слѣдовательно, родной намъ,—мы съ нимъ вмѣстѣ любимъ Россію, рады ей служить по внутреннему, врожденному намъ убѣжденію. О Тырановѣ можно пожалѣть, что въ позднія лѣта и съ малымъ образованіемъ посланъ онъ въ Римъ, гдѣ, какъ человекъ съ талантомъ, невольно почувствовалъ (онъ желаніе) устремиться къ чему-то возвышенному, и сдѣлалъ историческую картину. Онъ, однакожъ, опять займется портретами. Онъ собирается скоро въ Петербургъ. Я слышалъ, что раздача работъ въ Исакиевскую церковь не безъ взятокъ. Скажите, какіе образа получили Завьяловъ и Шампинъ, чтобы записать, какой бы участи подвергся я, еслибъ пріѣхалъ къ раздачѣ? Цѣлые два года потерялъ я: глаза не позволяли ни на сколько подвинуть картину мою, а то, разумѣется, она была бы кончена къ половинѣ 1845 года. Весьма бы не хотѣлъ я, чтобы братъ оставался изъ-за меня, хоть одинъ мѣсяць въ Петербургѣ. Онъ долженъ спѣшить за границу, какъ только отдѣлается отъ практической работы. Для меня же оставить навсегда неоконченною мою картину и ѣхать къ вамъ—значитъ погребсти все мое лучшее въ жизни и сдѣлаться денежнымъ художникомъ, подлецомъ въ отношеніи къ искусству и къ отечеству. Есть способы все это поправить, и отличнымъ образомъ,—прошу послушать. Вы, батюшка, совершенно свободны и отъ службы, и отъ казенныхъ работъ, довольно крѣпки сложеніемъ отъ природы, имѣете вѣрныхъ 2000 въ годъ, а утѣшеніе ваше составляемъ мы двое, какъ вы сами говорите. И потому, не рѣшитесь ли вы пожить два года въ землѣ обѣтованной для художниковъ—въ

Римъ? Васъ привезетъ братъ Сергѣй Андреевичъ до границы Италіи, а Александръ тамъ васъ встрѣтитъ, а черезъ два года прѣдетъ съ вами и оконченной картиной въ Россію, и поселится навсегда въ Москвѣ. Не бойтесь, не пугайтесь,—я знаю, что, по старости лѣтъ, и никогда не путешествуя, страшно думать о путешествіи. Но страшно только до вступленія на пароходъ, а тамъ все пойдетъ чудесно,—повѣрьте опытному человѣку. Всѣмъ намъ будетъ, повѣрьте, очень хорошо. Ваша страсть къ искусству безпрестанно будетъ находить въ Римѣ удовлетвореніе и довольство, а климатъ сбережетъ ваше здоровье. Двухъ тысячъ очень достаточно, чтобы жить безъ большихъ предпріятій, а вояжная тысяча какъ-нибудь наберется. Мы оба будемъ съ вами жить на одной квартирѣ, покорными вамъ слугами.

Переписочными деньгами составитя сумма на обратный вамъ путь въ Россію. Зимой будете знакомиться съ прѣзжими русскими, а лѣтомъ за городомъ будемъ писать ландшафты вмѣстѣ. Да какіе ландшафты, какіе ландшафты! Ну, право, хорошо будетъ и брату для первыхъ двухъ лѣтъ, а тамъ, когда онъ укоренится въ своихъ занятіяхъ, то мы отъ него уѣдемъ въ Москву, и будемъ тамъ жить да поживать, да его къ себѣ ждать. Вонъ посмотрите, старикъ Н. И. Уткинъ хочетъ отправиться за границу, на годъ, только для развлеченія. Старикъ Воробьевъ хочетъ ѣхать, только для свиданія съ сыномъ. Такъ какъ же вамъ, для счастья обоихъ насъ, не подумать объ этомъ? Правда, они путешествовали прежде, имъ извѣстенъ путь. Но вы не бойтесь; право, все хорошо будетъ. Для складки нашихъ вещей художественныхъ, можно будетъ найти мѣсто въ домѣ Моллера,—по крайней мѣрѣ, я объ этомъ похлопочу въ свое время. Мебель всю продать, хотя бы за безцѣнокъ: вѣдь никому изъ насъ не доведется жить въ Петербургѣ, гдѣ я всю мою молодость только и слышалъ о подостаяхъ и интригахъ, какія вамъ были причиняемы.

Подумайте и сообщите мнѣ обо всемъ.

Ладченки зрѣніе нѣсколько поправилось, но художникомъ ему не бывать.

Любезный братъ! Ты совершенно безъ совѣсти. Ну какъ

же можно не писать ко мнѣ столько времени? Вѣдь я Богъ знаетъ что объ этомъ думалъ. Радуюсь и поздравляю тебя съ золотой 1-й медалью. Да, братъ, не легко эти вещи и мнѣ доставались. Я сдѣлалъ предложеніе батюшкѣ ѣхать въ Римъ; для насъ обоихъ это будетъ счастье, если онъ на это согласится. Очень, очень любопытно, что батюшка на это скажетъ. Напиши мнѣ немедленно. Я объявлялъ скульпторамъ нашимъ, что будетъ имъ работа отъ К. А. Тона.

Не увлекайся общимъ направленіемъ людей, въ чемъ бы то ни было, а старайся имѣть свое. Ты такъ странно говорилъ о Завьяловѣ! Разумѣется, Брюлло нужно его унизить.

Къ тебѣ будетъ на-дняхъ Эльсонъ ¹⁾. Я просилъ его справиться, у кого находятся гравюры Консоли—контуры съ Рафаэля, числомъ 16, и картина Гайвазовскаго «Буря», принадлежащая одному изъ самыхъ близкихъ моихъ пріятелей—Галагану. Они были посланы въ 1842 году, 15 іюня, вмѣстѣ съ картиною Шамшина: «Петръ на Ладогѣ». Если ты ихъ отыщешь у какого-нибудь Ухтомскаго ²⁾, то гравюры и картину возьми себѣ, а мнѣ отпиши, на какихъ условіяхъ онѣ выданы, или по какимъ причинамъ не отдаются.

Что это за Тихобразовъ, ученикъ Брюлло? Образованный ли человекъ? Самъ ли работаетъ?

ХСПІІ.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ. Апрель 1844.)

Откровенное письмо ваше весьма много меня занимаетъ. Я, наконецъ, привыкъ къ угрозамъ судьбы, сказавъ себѣ, что до послѣдняго дня настоящей моей свободы я долженъ весь принадлежать картинѣ.

Напрасно, кажется, вы думаете, что моя метода—силою сличенія и сравненія этюдовъ подвигать впередъ трудъ до-

¹⁾ Молодой архитекторъ.

²⁾ Хранитель музеевъ въ Академіи Художествъ.

ведеть меня до отчаянія. Способъ сей согласенъ и съ выборомъ предмета, и съ именемъ русскаго, и съ любовью къ искусству.

Я бы могъ очень скоро работать, еслибъ имѣлъ единственною цѣлью деньги. Признаюсь, я не вижу въ остальной моей жизни ничего, лучше настоящаго моего положенія. Еслибъ картина моя осталась навсегда неоконченною, то это все столько (же) было бы для меня горько, какъ если бы кака-нибудь деспотическая сила заставила меня окончить ее противъ моихъ правилъ и убѣжденій.

Да, что вы ни говорите въ письмѣ вашемъ, все это — истины, болѣею частію мной уже испытанныя. Признаю и это: пока не сдѣлалъ дурно, не сдѣлаешь хорошо. Дурное все остается въ пробныхъ этюдахъ, изъ которыхъ одно лучшее вносится въ настоящую картину.

Одно мѣсто письма вашего: «что я далеко не христіанинъ» и проч.—заставляетъ меня задумываться. Я не въ состояніи теперь же на это отвѣтить.

Посылаю вамъ письмо, которое получилъ отъ хозяина вашего на Via Felice. Бутеневу ¹⁾ я представлялся; онъ спросилъ меня: «вѣдь вы всѣ, художники, находитесь подъ...» и т. д.

Моллеръ собирается въ Грецію. Я ему припомнилъ слова, сказанныя мнѣ Овербекомъ на счетъ моего предполагавшагося путешествія въ Сирію,—лучше его нельзя ничего сказать: «Если композиція ваша уже рѣшена, поѣздка можетъ ее разрушить; если только она въ начальной идеѣ, то вояжъ можетъ къ ней прибавить что-нибудь».

~~~~~
XСIV.

КЪ ОТЦУ.

Батюшка!

(Неаполь. Июль 1844.)

Письмо ваше, отъ 12 іюня, меня весьма обрадовало. Братъ уже слышитъ, мои старанія объ этомъ не остались втунѣ. Благодарю Бога.

¹⁾ Русскій посланникъ въ Римѣ.

Вотъ теперь начинается его жизнь внѣ дома. Товарищи: Резановъ, Реймерсъ, какъ говорятъ, люди хорошіе. Напишите, чтобы въ каретѣ взялъ мѣсто въ 70 руб., чтобы вояжъ не былъ на счетъ его здоровья. Я послалъ письмо моему знакомому въ Москвѣ, А. Н. Попову, прося его познакомить брата съ его знакомыми: Языковымъ, Хомяковымъ, (съ) домами: Геласиныхъ, Коровскихъ, Варвинскихъ. Эти люди по истинѣ называются цвѣтомъ нашей представительной столицы Москвы. Я надѣюсь, что здѣсь братъ получитъ идею прекрасную о нашемъ отечествѣ. Поповъ очень знакомъ съ Иноземцевымъ. Дѣло Засена еще разъ прошу васъ оставить,—когда приѣду въ Петербургъ, то самъ его окончу. Теперь Циммерманъ въ Неаполь—тоже, что Иноземцевъ въ Москвѣ; по крайней мѣрѣ, я, выздоровѣвшій отъ глазной болѣзни, это подтверждаю. Черезъ десять дней, я отправляюсь въ Римъ, гдѣ уже ждутъ меня занятія, остановленные на два года. Вы вѣрно отъ души порадуетесь, что стараніемъ Циммермана мнѣ возвращены глаза. Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта отъ сестры, который многое что рѣшитъ въ нашемъ семействѣ. Я ей предлагалъ три пути устроить ваше положеніе, батюшка! Изъ коихъ лучшей—ей приѣхать въ Петербургъ, и жить съ вами до моего возврата.

Прошу послать это письмо къ брату въ оригиналѣ, дабы онъ извлекъ себѣ пользу изъ него.

Въ продолженіе этихъ трехъ текущихъ мѣсяцевъ моего пребыванія здѣсь я былъ озабоченъ большими, принадлежащими Россіи и проживающими здѣсь одинокими. Но сіи послѣдніе дни болѣе всего меня занимала скоропостижная смерть нашего славнаго поэта Баратынскаго. Вдова съ семьєю дѣтьми, не имѣя никого знакомыхъ, заставила меня отдаться всею душой этому дѣлу. Посмотрѣвъ на усоншую красивую голову нашего поэта, я узналъ у рыдающихъ, что нѣтъ въ Россіи хорошаго портрета, и тотчасъ велѣлъ сформовать маску, чтобы заказать бюстъ въ Римѣ. Или я дамъ форму, съ совѣтомъ адресоваться въ Академію Художествъ для слѣпковъ съ нея; Хорошо, еслибы вы постарались направить ее къ самому мастеру, и къ какому-нибудь изъ работниковъ.

Въ благодарность за разныя хозяйственныя хлопоты, и

почувствовавъ важность моей картины и нужду имѣть (мнѣ) книгу Пророковъ, Настасья Львовна обѣщалась мнѣ ее сюда доставить.

Впрочемъ, батюшка, еслибы вы могли справиться въ лучшихъ книжныхъ лавкахъ въ Петербургѣ, не продается ли эта книга, то весьма бы меня обязали, еслибы мнѣ ее доставили. Васъ уполномочиваю заплатить за нее даже 200 рублей.

Брату, пожалуйста, скажите, чтобы берегъ свое здоровье какъ можно, безъ теплой шинели не путешествовалъ (бы) по ночамъ.

ХСV.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Августъ 1844.)

Батюшка! письмо ваше тронуло меня до глубины сердца. Видно, что вы беспокоитесь очень, даже противорѣчите сами себѣ. Сначала уговариваете меня не слишкомъ утруждать глаза надъ работой, а подъ конецъ письма говорите, чтобы я какъ можно скорѣе кончилъ мою картину. Вы мнѣ говорите, чтобы положиться во всемъ на благоразуміе моего брата, въ разсужденіи вашего положенія, а мнѣ кажется, что гораздо вѣрнѣе послѣдовать во всемъ моему совѣту. Я въ лучшихъ лѣтахъ и опытнѣе въ жизни, и знаю, что такое чужіе край, слѣдовательно гораздо вѣрнѣе могу все опредѣлить и осудить.

Намъ нужно спросить сестру Екат. Андр. рѣшительно, можетъ ли она пріѣхать въ Петербургъ, или не можетъ? Потомъ приступить къ самому важному. Если она не можетъ пріѣхать, то чтѣ васъ задержать оставить Петербургъ, гдѣ вы не имѣете ни друзей, ни сильно привязанныхъ къ вамъ родственниковъ? Предугадываю, вашъ отвѣтъ: «Стѣны Академіи, и даже Васильевскій островъ, изъ котораго я никогда никуда не выѣзжалъ, подѣ старость срослись родствомъ со мною». Отвѣчаю: Успѣхи отечественнаго образованія, къ ко-

торымъ непосредственно принадлежитъ картина моя, которой сочувствуетъ цвѣтъ Россіи, ежегодно путешествующій въ Римъ, неужели не стоятъ никакихъ пожертвованій?

Екатерина Андреевна не пріѣдетъ въ Петербургъ, и вамъ представляется на выборъ: поѣхать къ ней на два года погостить, или пуститься съ братомъ въ Римъ. Повѣрьте, что путешествіе въ чужіе края только и кажется тогда тягостнымъ, пока не взяли паспортъ; а тамъ пойдетъ все такъ покойно и чудесно, какъ вы никогда и не воображаете. Я васъ встрѣчу на границѣ Италіи. Дѣло теперь въ томъ, чтобы брату отнюдь не мѣшать въ его карьерѣ: пусть его какъ можно скорѣе домогается правъ на чужіе края. Могутъ случиться тысячи препятствій, если мы что-нибудь тутъ пропустимъ къ скорѣйшему его отправленію. Могутъ послать другаго. Могутъ заласкать его выгодными казенными мѣстами. Можетъ, наконецъ, и онъ самъ влюбиться—и тогда все пропало.

Оканчиваю это письмо тѣмъ, что Чижовъ весною пріѣдетъ въ Петербургъ непременно. Этотъ человѣкъ понимаетъ наше положеніе. Поговоривъ съ вами лично, онъ многое что порѣшить, и, наконецъ, если не успеетъ уговорить васъ оставить для нашего счастья Петербургъ, то я, свернувъ картину, пріѣду къ вамъ тотчасъ-же, чтобы выкупить брата. Картина, разумѣется, навсегда останется неоконченною, и я навсегда останусь потеряннымъ человѣкомъ. Я потерялъ адресъ Баратынской, но помню, что живетъ она въ Коломнѣ у сестры своей, которой мужъ называется Путьята, въ домѣ Плеске. Мнѣ бы очень нужно сказать ей, что лучшіе скульпторы за бюстъ берутъ обыкновенно 300 скудъ, или полторы тысячи франковъ. Генерани нѣтъ въ Римѣ, и я думаю бюстъ отдать самому лучшему скульптору по этой части—Паверсу. Обо всемъ этомъ я ее самъ извѣщу подробно, но не знаю ея адреса. Прошу васъ въ свободную минуту поискать ея жительство, и написать мнѣ ея адресъ.

ХСVI.

КЪ БРАТУ.

(Окрестности Рима. Августъ 1844.)

Письмо твое отъ 21 іюля весьма меня обрадовало тѣмъ, что (ты) почувствовалъ на опытѣ важность аккуратной и частой переписки. О возстановленіи твоего слуха меня уже извѣщаль батюшка, и я эту радость передалъ Чижову, благодаря его за содѣйствіе.

Я бы очень желалъ, чтобы ты сошелся съ Языковымъ: это самый лучший цвѣтъ нашего отечества. Нѣтъ ни одного человѣка, который, зная сколько-нибудь Языкова, не отозвался бы о немъ съ похвалою. Если тебѣ небольшого труда будетъ стоять, то покажи ему твою черновую программу «Инвалиднаго дома»: это впечатлѣніе московскихъ зданій на твое воображеніе ему вѣрно принесетъ удовольствіе, а удовольствіе принести Языкову уже много значить. Онъ намъ совершенно сочувствуетъ, онъ нашъ русскій славный поэтъ! Надобно было видѣть его въ моей студіи въ Римѣ!

Ты ему можешь повѣрить всего себя. А. Н. Попова ты черезъ него же сыщи. Это правда, что этотъ человѣкъ еще молодъ, но онъ горячій патріотъ, умный и добрый человѣкъ; слѣдовательно, ты и съ нимъ сойдешься, имѣя въ виду, однакоже, беречь свое время, сколь возможно.

Я батюшкѣ писалъ, дней двадцать назадъ,—письмо важное: это его положеніе, при отъѣздѣ твоемъ въ чужіе края.

Языкову скажешь, что я получилъ его письмо, и на дняхъ буду отвѣчать.

Мои глаза чувствительно поправились, и теперь живу за городомъ, и работаю этюды для моей картины. Въ Римъ переѣду въ концѣ сентября.

XCVII.

КЪ Н. М. ЯЗЫКОВУ.

(Окрестности Рима. Августъ 1844.)

Зная, сколь рѣдко вы пишете, по случаю вашего настоящаго здоровья, я не могу не чувствовать себя отличеннымъ. Усердно благодарю васъ за такое особенное ко мнѣ вниманіе. Братъ мой, кажется, все получилъ, чего надѣялся, отъ своего поѣзда къ Иноземцеву. Да еще, кромѣ того, увидѣвъ Москву, попытать свое воображеніе, набросить подъ русской ладъ, и сдѣлать первый опытъ въ этомъ родѣ «Инвалидный домъ», (который я его просилъ непременно вамъ показать)! Теперь ему нужно въ чужіе края. Тутъ онъ разглядитъ, откуда что взято, воображеніе приобрѣтетъ основательность въ законахъ возможности исполнительной, вникнетъ, что гдѣ прекрасно, и сформируетъ гармонически все то, что теперь ему намекнула представительная наша столица.

Я васъ долженъ благодарить за то, что вспомнили обо мнѣ, при основаніи новой академіи художествъ въ Москвѣ. Я вашу идею глубоко цѣню и уважаю. Но я себя за правило положилъ, ни о чемъ не думать прежде окончанія настоящей моей картины, ибо составъ академіи и основаніе ея едва-ли меньше важно и занимательно, чѣмъ настоящій мой трудъ. Да притомъ оно никогда не поздно, у насъ особливо, гдѣ все такъ способно къ переменамъ и прибавкамъ. Такъ пусть теперь займутъ мѣста профессоровъ: живописи—Завьяловъ, а скульптуры—Пименовъ! Лучше этихъ двухъ я никого не знаю. Здравіе глазъ моихъ улучшилось послѣ поѣздки въ Неаполь, и я надѣюсь оканчивать мою картину, Богъ дастъ, и безъ перерывовъ. Наше воззваніе къ русскимъ кончилось покуда тѣмъ, что мнѣ всѣ силы придется сосредоточить на настоящемъ трудѣ, не разбрасывая ихъ ни на кого, да постараться ускорить поѣздку брата въ чужіе края, чтобы дать ему вѣрное направленіе художественной жизни, пока я еще въ Римѣ живу.

XCVIII.

КЪ БРАТУ.

(Римъ. Осень 1844.)

Жалѣю очень, что ты мнѣ ничего не написалъ изъ письма батюшки. Неужели ты думаешь, что это для меня совсѣмъ не любопытно? Дѣло, кажется, идетъ у насъ о тебѣ и твоемъ счастіи. Уже и твое собственное мнѣніе много меня заинтересовало.

Что касается до трактата новаго объ архитектурѣ, то я очень сожалѣю только о томъ, что тебѣ голову сломали эти споры. Но Языковъ и Поповъ, какъ не художники, начинаютъ съ того, чѣмъ художникъ оканчиваетъ и завершаетъ свое ученіе, когда ему лѣтъ подъ 40. Что-жъ дѣлать?—надобно привыкать къ свѣту. Если-же тебя уже очень беспокоятъ ихъ споры, то оставь ихъ. Все, что ты мнѣ ни пишешь, не подведено подъ гармоническую систему, которой, разумѣется, ты достигнешь, но нужно тутъ долговременное и всеусиленное ученіе. Я не архитекторъ, и потому трудно мнѣ вникнуть глубоко въ твою часть. Впрочемъ, читая исторію архитектуры Аженкура, никакъ не могъ съ нимъ согласиться, что средній вѣкъ, передѣлавшій для насъ языческіе храмы въ церкви, будто бы есть упадокъ архитектуры. Мнѣ все кажется, что этотъ готическій, византійскій родъ совершенно выразилъ чувство христіанское, какъ и древнее языческое. Къ этому роду съ небольшимъ измѣненіемъ принадлежатъ и наши русскія церкви. Что касается до архитектуры нашего времени, то, мнѣ кажется, никогда она еще не была такъ жалка и безхарактерна. Скажи самъ, кто теперь истинный художникъ, архитекторъ?—Шинкель, да и все; а потомъ все люди болѣе заботящіеся о тугомъ карманѣ, чѣмъ о совѣстливой преданности своему искусству. Впрочемъ, мы, русскіе, можемъ утѣшаться тѣмъ, что начинаемъ свою карьеру въ образованіи; у насъ, слѣдовательно, могутъ случиться гораздо скорѣе люди, чѣмъ гдѣ-нибудь, — наши силы свѣжи. Тебѣ, братъ, предстоитъ многое. Не теряй золотое время, берегись развлеченій,

и въ особенности прекрасныхъ.... Береги здоровье и приѣзжай какъ можно скорѣе въ Римъ.

Да, мы съ тобой должны сдѣлать многое еще и потому, что всѣ наши художники приняли самое жалчайшее направление. Вдумываться въ дѣло совсѣмъ нѣтъ въ поминѣ. Однакожь, ты никому не говори объ этомъ.

Ты не вѣришь, чтобы архитектуру одного человѣка приняло все государство за образецъ, — тебѣ кажется это дѣло невозможное. А по-моему, если нашъ художникъ, вслѣдствіе глубокаго своего ученія за границей, окончить свои знанія по Россіи, то само собою разумѣется, что изъ русской души его выйдетъ прекрасная русская архитектура XIX-го столѣтія, которая сдѣлается сейчасъ же оригиналомъ для всѣхъ прочихъ ему современныхъ художниковъ, менѣе его способныхъ къ своему дѣлу.

Нельзя ли тебѣ отыскать въ Москвѣ Боткина, торгующаго чаемъ? Его знать должны Языковъ и Поповъ. Я знакомъ съ его сыномъ Николаемъ Петровичемъ, который черезъ брата своего мнѣ сказалъ, что онъ желаетъ имѣть копіи съ лучшихъ картинъ Рима. Поговори, пожалуйста, съ Николаемъ Петровичемъ объ этомъ, и напиши мнѣ его адресъ, чѣмъ меня очень обяжешь. Спроси также, до какой суммы онъ можетъ на это дѣло употребить.

XCIX.

КЪ ВАС. АЛЕКС. СЕРЕБРЯКОВУ.

(Римъ. Осень 1844.)

Я часто объ васъ думаю, и всегда, въ заключеніе, вы кажется мнѣ упускающимъ все свое лучшее и, можетъ быть, всю вашу карьеру. Вы заняты ласками неблагодарнаго свѣта. По добротѣ и совѣстливости вашей, я увѣренъ, что все время отдано туда; слѣдовательно, вы сдѣлались даже неспособными понимать слова мои. Вамъ и вдумываться некогда.

Такимъ образомъ, проходятъ ваши дни въ пустыхъ упражненіяхъ, услужливостяхъ, мелкихъ порученіяхъ, въ результатѣ коихъ—самая мелкая пустота въ сердцѣ. Проклинаю я тотъ день, когда мнѣ пришла мысль познакомить васъ съ Обуховымъ,—я думалъ, впрочемъ, доставить вамъ общество, лучше Великановой лавки ¹⁾. А теперь проклинаю я тотъ заказъ вамъ: въ Римѣ могъ бы быть какой угодно, только не разрушилъ бы вашихъ начатыхъ работъ, но заставилъ бы васъ ихъ окончить, только съ болѣе развернутыми понятіями объ искусствѣ.

Чицова легко склонить, чтобы вамъ заказать что-либо изъ римскихъ сценъ. Мы бы съ вами сильно занялись этимъ, отказавшись отъ свѣта, и всего того, что могло бы васъ отвлекать. Если хотите, то и другое есть порученіе Чицову: его просить доставить копію съ «Преображенія», Рафаэля. Вотъ и это можетъ быть ваше, если хотите. Правда, не ѣхавъ въ Римъ, вы меня освободите отъ живаго въ васъ участія, съ которымъ много употребляется моего времени. Но научите меня, какъ бы васъ разлюбить? Какъ бы разрушить въ васъ всѣ качества русскаго, истребить любовь къ успѣхамъ отечественнымъ?

Отвѣчайте мнѣ немедленно на это письмо, но, пожалуйста, прежде соберите силы, чтобы взвѣсить, что я говорю вамъ и въ предыдущихъ двухъ посланіяхъ.

С.

КЪ Ѡ. В. ЧИЖОВУ.

(Римъ. Октябрь 1844.)

Поздно получилъ я ваши два письма, отвѣчаю на удачу. Можетъ быть, еще застанутъ васъ эти строки въ Венеціи. Серебряковъ видѣлъ Моллера во Флоренціи. Я полагаю, что

¹⁾ Великановъ—русскій купецъ во Флоренціи, поставщикъ и подрядчикъ въ Россію самыхъ разнообразныхъ итальянскихъ продуктовъ, начиная отъ мраморовъ и кончая прованскимъ масломъ.

вы уже Серебрякова обнимаете, если не сегодня, то завтра. Дѣлайте съ нимъ, что хотите. Но мнѣ кажется, что уже ничего нельзя сдѣлать, при всемъ желаніи доставить еще одного художника Россіи, которыхъ (художниковъ) уже скоро нужно будетъ считать и беречь, — скоро всѣ изведутся: запаса со-всѣмъ нѣтъ... Серебряковъ, по художническому знанію, можетъ произвести хорошую вещь. Но надобно безпремѣнно быть его сторожемъ, а это невозможно: пришли козы, ему захотѣлось молока; проходить мимо остеріи, ему нужно вино; пришли товарищи, — вмѣсто палитры и кистей, сейчасъ очутились въ рукахъ карты, и т. д. Я ему уже сказалъ, чтобы въ Римъ отнюдь не пріѣзжать, если не хочетъ заниматься, не смотря на то, что нигдѣ, какъ въ Римѣ, столько удобствъ не найдешь къ производству по нашей части.

Моллера вы увидите во Флоренціи. Не пишу вамъ ни слова о Шаповаловѣ потому, что тутъ нужно подумать, и много подумать, — спѣшу. Напишу къ вамъ во Флоренцію, а васъ прошу написать мнѣ, въ который день и даже часъ вы будете въ Римѣ, чтобы ждать васъ на моей квартирѣ съ готовой постелью.

Купите мнѣ Ріо ¹⁾, — я васъ, кажется, объ этомъ уже просилъ. Потолкуйте обстоятельнѣе съ Серебряковымъ, какъ онъ поступить съ Сомовымъ, въ разсужденіи Библии? Черезъ Зайцевскаго можно ли ее купить?

Купите облачокъ, но не для меня, а для васъ, потому что ваше письмо всегда приходится рвать и догадываться, какія слова вырваны.

СІ.

КЪ МОЛЛЕРУ.

(Римъ. Октябрь 1844.)

Я бы вамъ совѣталъ сойтись сколь можно больше, во Флоренціи, съ графомъ della Porta: онъ и добрый человекъ, и хорошій художникъ. Его братъ родной служить здѣсь у папы,

¹⁾ Сочиненіе *Rio*: De l'art chrétien.

а вамъ и намъ непремѣнно нужно имѣть (тамъ) какого-нибудь добраго знакомаго для разныхъ справокъ.

Студию для васъ очень трудно найти. Этажъ купить еще труднѣе, потому что по покупкѣ пречасто оказывается, что домъ въ такихъ залогахъ находится, что не скоро распу-таешься. Лучше студій Камуччини, что въ *via dei Greci*, нельзя желать.

Теодора Васильевича со дня на день жду въ Римъ: отъ него узнаю что-нибудь объ васъ, что мнѣ давно хочется. Каково-то вы плаваете въ житейскомъ морѣ? Всегда ли оно тихо для васъ? Дай Богъ вамъ всего лучшаго.

СП.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ: Ноябрь 1844.)

Съ величайшею радостью получилъ я ваше письмо отъ 26 октября. Я изъ него узналъ вѣрный вашъ адресъ,—единственная причина препятствовала вамъ писать, ибо О. В. узналъ откуда-то, что вы въ Остенде, а тамъ васъ не нашли.

Я лѣчился до первыхъ чиселъ августа въ Неаполѣ, теперь глаза мои только боятся сильной солнечной рефлексии. Благодаря Бога, я могу работать 8 часовъ въ день. Вы вѣрно этому столько же рады, какъ и я. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ Моллеръ пріѣхалъ изъ Греціи во Флоренцію, откуда я ему все еще не совѣтую двигаться въ Римъ. Однакожъ, онъ непремѣнно хочетъ на зиму сюда пріѣхать. Спрашивалъ меня, не пріѣдете ли вы тоже въ Римъ? Я ему напишу вашъ адресъ. Со дня на день, я жду Чижова въ Римъ. Весной онъ пустится въ Петербургъ, тамъ будетъ во время трехлѣтней выставки академической. Наше существованіе въ чужихъ краяхъ, можетъ быть, онъ поддержитъ своею энергическою дѣятельностью, выдавъ намъ, на какихъ-бы то ни было условіяхъ, содержаніе. Если-же нѣтъ, то ни я, ни Шоповаленко, не въ состояніи будемъ болѣе бороться съ обстоя-

тельствами. Говорили, что у насъ будетъ, вмѣсто покойнаго Кривцова,—Киль, курляндецъ. Я его образъ мыслей знаю, и съ нимъ уже имѣлъ ссору. Патриотическая мысль Чижова—составить изъ нашихъ русскихъ художниковъ одно цѣлое, которое бы трудилось къ живымъ успѣхамъ отечества, не понята: она покуда вооружила еще болѣе нашихъ пришлецовъ, а русскіе по-старому остались и безпечны, и лѣнны. Болѣе всего меня теперь утѣшаютъ письма Языкова, которыхъ уже три,—они раздуваютъ искру, которую Чижовъ заронилъ здѣсь въ мою студию.

СШ.

КЪ ГОГОЛЮ.

Римъ. Февраля 12, 1845.

Я нѣсколько опоздалъ отвѣчать вамъ на письмо отъ января первыхъ чиселъ, а на-дняхъ получилъ письмецо, самое утѣшительное, отъ А. О. Смирновой ¹⁾. Не передаю вамъ его въ оригиналъ, но посылаю ей подробный отвѣтъ, черезъ ваши руки. Прочитайте, оцензируйте и пошлите немедленно по слѣдующему адресу: въ Петербургъ, у Синяго моста, въ собственномъ домѣ.

На ваше письмо отвѣтить нужно, очень подумавши. Погодите, подождите, а покуда знайте, что у меня совершенно никого нѣтъ, кто бы ссудилъ деньгами, особливо такой значительной суммой, какъ мнѣ нужно. Чижовъ проѣдетъ черезъ славянскія земли въ Россію; онъ тронется черезъ три недѣли, сначала въ Венецію. Онъ не будетъ въ Петербургѣ къ выставкѣ академической, и обѣщался мнѣ, что, можетъ быть, найдетъ покупателя для моей картины малаго размѣра, за четыре тысячи ассигнаціями, съ тѣмъ, чтобы деньги мнѣ достались впередъ.

Это жалчайшее средство, можетъ быть, и приму. Чтобы кончить картину малаго размѣра, нужно ровно годъ, а въ это время я не могу прожить менѣе четырехъ тысячъ. Вѣдь

¹⁾ Алекс. Осип. Смирнова, урожд. Россетъ, жена церемоніймейстера.

тысячу рублей плачу я только за студию! Прикидываюсь Смирновой, что у меня денег совсѣмъ нѣтъ. Вѣдь къ тремъ тысячамъ нужно будетъ прикладывать четвертую, чтобъ продолжать трудъ. А просить четырехъ въ годъ—уже совершенно руки у всѣхъ отвалятся со страха.

Моллеру отдамъ письмо ваше. Онъ уже три недѣли какъ въ Римѣ. Все будетъ сдѣлано по вашему. Только одна я бы желала вамъ замѣтить, что верхъ картины «Преображеніе» гораздо меньше отдѣланъ, чѣмъ низъ, или, лучше сказать, отдѣланъ на то разстояніе, въ какомъ зритель по необходимости находится, чтобы видѣть снизу цѣлую картину. Но одна голова Спасителя, безъ всего прочаго, хотя бы вы вырѣзали ее изъ самаго оригинала, не произведетъ никогда того дѣйствія, какое она тамъ имѣетъ.

Моллеръ весьма доволенъ картинами Шаповалова на публичной выставкѣ.

Совершенно вамъ преданный

Александръ Ивановъ.

Мое почтеніе В. А. Жуковскому.

SIV.

КЪ А. О. СМИРНОВОЙ.

(Римъ. Февраля 12, 1845.)

Съ живѣйшею радостью получилъ я ваше письмо отъ 16 декабря, и, представляя отчетъ въ трудахъ моихъ по долгу соотечественника, я никогда не былъ еще такъ счастливъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ вспомнилъ обо мнѣ съ такимъ участіемъ, какъ вы теперь. Это тѣмъ болѣе для меня чувствительно, что ваше письмо застаётъ меня въ положеніи близкихъ бѣдъ. Глаза мои поправились не совершенно: здоровыми я ихъ не могу назвать. Я могу работать по 8-ми часовъ въ день, и, слѣдовательно, можно бы было надѣяться, что картина пойдетъ впередъ. Но я эту зиму захворалъ, и теперь только оправился. Забота о доставленіи себѣ спосо-

бовъ на окончаніе картины заставила меня отъ нея отвлечься и заняться сочиненіемъ запрестольнаго образа въ храмъ Спасителя въ Москвѣ, — архитекторъ коего, Тонъ, весьма желаетъ мнѣ его поручить. Это, однакоже, тайна, которую прошу никому не говорить. Сочинить образъ «Воскресеніе Христова» — тысячи нужно свѣдѣній для меня: нужно знать, какъ онъ былъ понимаемъ нашею православною церковью, въ то время, когда религія не была трупомъ; нужны совѣты нашихъ образованныхъ богослововъ и отцовъ церкви. Католическіе сюда не годятся, а нашъ здѣшній священникъ слишкомъ малъ для меня. Вотъ такимъ-то образомъ я былъ озабоченъ, ожидая пріѣзда Тона въ Римъ; въ это-то время получаю ваше письмо, гдѣ вы столь благосклонно беретесь за меня ходатайствовать, чтобы доставить мнѣ содержаніе для окончанія картины. Этого достаточно бы было, чтобы оставить все другіе пути, какіе моя забота избрала до полученія вашего письма. Но я уже увлекся сочиненіемъ «Воскресенія» — не для того, чтобы жадно пріобрѣсти значительный задатокъ, но потому, что двухмѣсячнымъ чтеніемъ и думами пріучилъ мысли мои стройно слѣдовать въ глубину новаго предмета. Чтобы отдалить отъ меня эти новыя мысли, нужно время; я постараюсь все это оставить, но не вдругъ. Тонъ долженъ на-дняхъ пріѣхать сюда. Его хвалятъ какъ чловѣка. Я ему обязанъ: онъ замолвилъ обо мнѣ Государю Императору, и такимъ образомъ устроилось мое содержаніе, котораго еще на годъ у меня достанетъ. Да, моя дорога трудна. Принося въ жертву успѣхамъ отечества все удобства и довольства жизни, и безпрестанно обрываясь въ способахъ на продолженіе труда, я еще предвижу самое грозное для меня — это Биль. Десять лѣтъ назадъ я съ нимъ имѣлъ небольшую непріятность, которую онъ мнѣ не забудетъ теперь выместить. Онъ скоро будетъ въ Римъ. Маракуя что-то такое акварелью, въ глазахъ свѣта это даетъ ему право быть судьей художниковъ. Благодарилъ бы я судьбу, еслибы задвижка моей студіи не отворялась бы ни для кого уже, не до окончанія моей картины, но хоть до окончанія малыхъ способовъ моего содержанія.

Шаповаловъ кончилъ свои картины, посылаетъ въ Пе-

тербургъ. Похлопочите за него, онъ совершенно никого тамъ не знаетъ. Н. В. Гоголь, кажется, не случится тамъ къ тому времени. Вся надежда на васъ.

Я еще не благодарилъ васъ за подарокъ Библии—я ее читаю, вмѣстѣ съ переводомъ французскимъ съ еврейскаго. Это весьма для меня полезно. Пименовъ женился на римлянкѣ, вопреки всѣмъ моимъ возраженіямъ. Онъ надѣялся въ довольствѣ жить въ Римѣ и продолжать любить искусство въ своихъ произведеніяхъ; но не долго былъ въ восхищеніи. Женѣ его назначено отъ здѣшняго правительства: оставить навсегда Римъ, или быть заключенной навсегда въ тюрьму ¹⁾. Онъ удалился съ нею во Флоренцію, а оттуда думаетъ пробраться въ отечество. Боюсь вамъ сказать, сколько нужно времени, чтобы кончить мою картину. Боюсь испугать васъ, отнять всякую ревность обо мнѣ хлопотать—мнѣ нужны три года. Но если васъ это останавливаетъ дочитать мое письмо, то и два, и одинъ годъ содержанія уже подвинуть мою картину на большую степень окончанія, чѣмъ теперь она находится. Все-таки еще годъ прожить въ дивной сферѣ, въ убѣжденіи, что тружусь для успѣховъ отечества,—было бы весьма пріятно.

Я совсѣмъ не забылъ, что вамъ обѣщаль сдѣлать копію съ моего «Іоанна», и это непременно исполню.

Благодарю васъ также за свѣдѣнія о ходѣ нашихъ художниковъ въ Петербургѣ. Получилъ извѣстіе, что былъ одинъ изъ извѣстныхъ отцовъ нашей церкви; что, смотря на картоны Брюлло, отдавалъ всю справедливость его таланту, сознаваясь однако же, что они чужды всякаго религіознаго чувства. Важно это замѣчаніе, мы много объ этомъ здѣсь говорили.

Прошу поклониться отъ меня вашему брату.

¹⁾ Женой Никол. Степ. Пименова была дочь извѣстнаго археолога Нибби—Корнелия. Она подверглась преслѣдованію римской курии за то, что вышла за не-католика.

CV.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ. Февраль 1845.)

Вчерашній день получили мы, т.-е. я и Чижевъ, извѣстіе, что вы находитесь въ Парижѣ, и оттуда пріѣдете въ Италію. Я послалъ на-дняхъ къ вамъ во Франкфуртъ весьма важное письмо—отвѣтъ свой А. О. Смирновой. Зная изъ многихъ случаевъ, что вы не довольно аккуратно поступаете съ письмами во время отъѣздовъ, спѣшу васъ о семъ увѣдомить, прося покорнѣйше наказать кому-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ во Франкфуртъ—мое письмо къ вамъ переслать.

Сдѣлайте одолженіе, не замедлите также послать мое письмо Смирновой, особливо, если вы тамъ ничего не найдете, васъ останавливающаго. У меня надежда вся на нее. Мы ждемъ здѣсь Тона изъ Парижа, со дня на день. Киля еще нѣтъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы безъ его соприкосновенія къ моимъ дѣламъ могло бы устроиться мое положеніе! Право, силъ нѣтъ ласкаться у сатаны, чтобы онъ не мѣшалъ видѣть свѣтъ божій. Чижевъ уѣзжаетъ въ Венецію черезъ день непременно.

CVI.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ. Февраль 1845.)

Ө. А. Моллеръ пишетъ къ вамъ. Пользуясь симъ случаемъ, я васъ извѣщаю, что послалъ къ вамъ два письма: одно въ Франкфуртъ, а другое, вчера, въ Парижъ. Здѣсь Тонъ и г-жа Жеребцова. Она сегодня была у меня въ студии и осталась очень довольна моимъ трудомъ. Что дальше будетъ, обо всемъ васъ увѣдомлю. А теперь къ вамъ просьба. Сходите, пожалуйста, въ Парижъ къ издателю Библии, называется онъ

S. Cahen, а живеть въ Rue Pavéz, № 1—это гдѣ-то далеко, говорить Чижовъ, а прежде справьтесь у книгопродавцевъ Treutel et Würtz: вышелъ-ли послѣдній томъ этой Библии, то-есть: Эсаиръ, Іовъ, Псалмы, Притчи, Экклезиастъ и Пѣснь Пѣсней? Прочіе пятнадцать томовъ всѣ уже имѣю и читаю. Чрезвычайно любопытное изданіе. Очень буду жалѣть, если не буду имѣть его полнаго. Если этотъ послѣдній томъ вышелъ, то пришлите его на имя Скарятина, перваго секретаря посольства въ Римѣ.

СVII.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

(Римъ. Февраль 1845.)

Чувствительно васъ благодарю за ваше письмо. Федоръ Васильевичъ къ вамъ пишетъ и торопитъ меня сказать вамъ два слова, и потому простите, что не имѣю времени подумать и отписать къ вамъ порядочно. Позовите, пожалуйста, брата моего къ вамъ, и укажите ему, гдѣ бы можно было въ Москвѣ найти иконные образа—изображенія «Воскресенія Христова», и съ этихъ композицій, въ какихъ бы онѣ уродливыхъ формахъ ни были, потрудился бы мнѣ начертить (онѣ копіи) въ маленькомъ видѣ, дабы имѣть понятіе, какъ намъ греки передали сей образъ, когда сочиненія церковныя выходили изъ самой церкви, безъ претензіи на академизмъ, который насъ теперь совсѣмъ запрудилъ. Мнѣ очень нужно. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ я займусь сочиненіемъ эскиза для новой церкви Спасителя въ Москвѣ. Однакожъ, скажите брату, чтобы онъ это сдѣлалъ скоро, и никому больше не говорите, что я хочу этимъ заняться, и ему скажите, чтобы онъ не говорилъ никому. Попеняйте ему, что онъ не посылаетъ ко мнѣ оригинальныхъ писемъ батюшки. Отъ него изъ Петербурга я давно не получаю извѣстій.